

Мансуров Тимур Зуфарович

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ ЮЖНОГО КАВКАЗА

В данной статье рассмотрены политические факторы институционализации идентичности Южного Кавказа. Проанализированы основные этапы, внутри- и внешнеполитические акторы формирования и развития идентичности в регионе. Выявлено и обосновано, что вооруженный конфликт в Южной Осетии в августе 2008 года способствовал изменению соотношения сил и формата межгосударственных взаимоотношений в регионе. Автор статьи приходит к выводу, что дальнейшее формирование идентичности Южного Кавказа напрямую зависит от контента внешней среды региона, а внутренние факторы институционализации региональной идентичности пока находятся на втором плане.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/12-3/28.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. III. С. 114-120. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Анжиганова Л. В. Эволюция мировоззрения хакасов. Абакан: Хакаское кн. изд-во, 2007. 146 с.
2. Ахизер А. С., Козлова Н. Н., Матвеева С. Я. Модернизация в России и конфликт ценностей. М.: ИФ РАН, 1994. 250 с.
3. Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 106-114.
4. Кон И. С. Национальный характер – миф или реальность? // Иностранная литература. 1968. № 9. С. 215-229.
5. Лапин Н. И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3-12.
6. Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с фр. В. В. Иванова. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
7. Мангейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. М. И. Левиной, С. В. Карпушина, А. И. Миллер, Т. И. Студеникиной. М.: Юрист, 1994. 693 с.
8. Новый энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия; РИПОЛ классик, 2005. 1456 с.
9. Общая социология: учеб. пособие / под общ. ред. проф. А. Г. Эфендиева. М.: ИНФРА-М, 2000. 654 с.
10. Рэдклифф-Браун А. Р. Структура и функция в примитивном обществе: очерки и лекции / пер. с англ. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 304 с.
11. Сорокин П. А. Человек, цивилизация, общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов; пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
12. Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2002. 452 с.
13. Хоружая С. В. Деградация и кризис: социокультурный подход // Общество, политика, экономика, право. 2008. № 1. С. 111-114.

SOCIAL-CULTURAL FOUNDATIONS OF TRIBAL RELATIONS

Ol'ga Leonidovna Lushnikova

Department of Philosophy and Culturology
Khakass State University named after N. F. Katanov
oltolt@mail.ru

The author pays attention to tribal relations preserved among some peoples in modern Russia, tells that the unity of culture, personality and society, underlying social-cultural approach, conditions those foundations, on which they are based, and singles out the following social-cultural foundations: the features of society social structure, culture as a universal foundation of human activity, values, language and stereotypes.

Key words and phrases: tribal relations; social-cultural foundations; social structure; culture; values; language; stereotypes.

УДК 323

Политология

В данной статье рассмотрены политические факторы институционализации идентичности Южного Кавказа. Проанализированы основные этапы, внутри- и внешнеполитические акторы формирования и развития идентичности в регионе. Выявлено и обосновано, что вооруженный конфликт в Южной Осетии в августе 2008 года способствовал изменению соотношения сил и формата межгосударственных взаимоотношений в регионе. Автор статьи приходит к выводу, что дальнейшее формирование идентичности Южного Кавказа напрямую зависит от контента внешней среды региона, а внутренние факторы институционализации региональной идентичности пока находятся на втором плане.

Ключевые слова и фразы: идентичность; политическая идентичность; институционализация; регион; региональная идентичность; государство; региональная организация; Южный Кавказ; этнический конфликт.

Тимур Зуфарович Мансуров, к. полит. н.

Кафедра конфликтологии

Казанский (Приволжский) федеральный университет

timur-man333@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ
ИДЕНТИЧНОСТИ ЮЖНОГО КАВКАЗА[©]

Формирование внутренней и внешней политики любого государства тесно связано с проблемой национальной идентичности. Особенно это актуально для молодых государств Южного Кавказа, образовавшихся на постсоветском пространстве и взявших курс на построение демократии в своих странах. С распадом Советского Союза постепенно утрачивается советская идентичность, а новая идентичность Грузии, Армении и Азербайджана окончательно не сформировалась. На сегодняшний день в трех южнокавказских республиках

можно наблюдать кризис национальных идентичностей. Вместе с тем утрата идентичности ведет, как показывает мировой опыт развития ряда государств, к невозможности четко формулировать и защищать национальные интересы, их подмене «ложными» идеями и целями. В странах Южного Кавказа данная особенность проявилась в неспособности проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, ориентируясь при этом на крупные региональные и внерегиональные государства.

Опыт независимого существования республик Южного Кавказа показал, что утрата национальной идентичности ведет к потере не только ценностных ориентиров в развитии общества, но и значительной части национального суверенитета государств. Об этом свидетельствуют этнополитические конфликты в регионе Южного Кавказа, перспективы разрешения которых достаточно проблематичны. Согласимся с российским исследователем С. В. Картуновым, который полагает, что исход такого типа конфликтов «зависит от прочности или рыхлости сложившихся национальных идентичностей, их бескомпромиссности и жесткости, невосприимчивости к новому или, напротив, их гибкости, способности к адаптивному изменению, обновлению без утраты культурных идентификационных ядер» [7, с. 10]. На мой взгляд, совместные усилия государства и общества, опора на богатые культурные традиции, ориентация на демократические ценности развития способствуют проведению внутри- и внешнеполитического курса страны, основанного на осознанных и четко сформулированных национальных интересах.

Заметим, что поиск южнокавказскими странами своей идентичности и определение национальной стратегии развития связаны с процессами глобализации, происходящими в мире. На уровне государства они неизбежно соприкасаются с национальной идентичностью, которая является существенным препятствием для их развития. Возникает угроза размывания национальной идентичности, ее фрагментации. В связи с этим необходимо, на мой взгляд, четко определить базовые ценности и цели общенационального развития, вокруг которых должно постепенно сложиться национальное согласие, необходимое для устойчивого и динамичного развития страны и региона в целом.

В регионе Южного Кавказа основными акторами институционализации политической идентичности выступают национальные государства, ведущие мировые державы, региональные международные организации, транснациональные корпорации, организованные преступные группировки и террористические структуры, действующие на международной арене, социальные сети. Политическую идентичность Южного Кавказа преимущественно определяют три национальных государства (Азербайджан, Армения, Грузия) и три непризнанных и частично признанных государства (Абхазия, Нагорный Карабах, Южная Осетия). Южнокавказский регион отличается этнокультурным многообразием, на территории которого проживает двадцать восемь народов. Между республиками Южного Кавказа существуют тесные историко-культурные, социальные, этнические связи.

По мнению российского исследователя О. Дамения, на формирование политической идентичности Южного Кавказа оказывают значительное влияние следующие факторы: схожая природная среда обитания, формирование южнокавказскими народами общего социокультурного пространства, этногенетическое родство, общность исторической судьбы народов региона, во многом определяемая геополитическим положением и взаимоотношениями с внешним миром [3, с. 105-110]. При этом стоит заметить, что примерно также обстоит дело и с Северным Кавказом, но здесь присутствует общероссийская идентичность внутреннего региона.

Анализ политических факторов институционализации идентичности Южного Кавказа предполагает выделение этапов ее развития, которые в совокупности представляют собой длительный по времени процесс. Первый – формирование государственности трех национальных государств региона (Азербайджана, Армении, Грузии), которое происходило на фоне непрекращающейся борьбы, постоянных протестов и требований независимости непризнанными государствами (Абхазией, Нагорным Карабахом, Южной Осетией). Вторым этапом состоял в поддержании «замороженности конфликтов» (как со стороны региональных, так и внерегиональных государств), соблюдении соглашений об их прекращении, охране территориальной целостности существующих национальных государств. На третьем этапе произошла «разморозка» двух из трех существующих конфликтов в результате военной агрессии Грузии в Южной Осетии в августе 2008 года [2, с. 116].

Становление государственности трех независимых республик Южного Кавказа происходило постепенно. Первые требования независимости со стороны союзных республик начинают активно проявляться с конца 1980-х годов параллельно происходящим в стране центробежным процессам. Появлению этих требований способствовала политика перестройки, проводимая М. Горбачевым и его сторонниками.

Она началась с осуществления принципа гласности, которая подразумевала свободное выражение мыслей, взглядов, позиций, общественного мнения. Постоянные протесты и требования независимости, которые со временем приобретали все более масштабный характер, привели к формированию радикальных и националистических движений и организаций, различных объединений и партий. Национальные движения, развернувшиеся во всех трех государствах Южного Кавказа и поддерживаемые первыми лицами республик, способствовали не только обретению ими независимости, но и формированию напряженности в межэтнических отношениях. Это проявлялось в разного рода дискриминациях по отношению к национальным меньшинствам (осетинам, абхазам, армянам Карабаха), которые, на мой взгляд, сыграли существенную роль в появлении этнополитических конфликтов в регионе.

Ситуация в сфере межнациональных отношений несколько осложнилась после принятия 3 апреля 1990 г. Закона СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». Несмотря на то, что право выхода союзной республики из СССР было установлено в конституции страны, данный

закон уточнял процедуру выхода союзных республик и автономных образований из СССР и предоставлял некоторые гарантии их независимости. После вступления в силу этого закона союзные республики и автономные образования внутри них получили право выхода на основе свободного волеизъявления и соблюдения порядка выхода из союзного государства. В дальнейшем такие непризнанные государства как Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах в определении своего правового статуса часто ссылались на данный закон.

Институционализация государственности и формирование политической идентичности Грузии, Армении и Азербайджана осуществлялись под воздействием ряда факторов: определение и утверждение правового статуса национальной идентификации; нормативно-ценностное и идеологическое обоснование предназначения и смысла существования нации; конструирование своего общественно-политического идеала, связывающего воедино прошлое, настоящее и будущее страны.

Формирование государственности трех закавказских республик сопровождалось принятием важных нормативно-правовых актов как со стороны союзного Центра, так и со стороны органов власти союзных республик, которые способствовали утверждению их независимости. Несмотря на то, что СССР еще формально существовал, в 1991 году на территории этих республик были проведены референдумы о независимости, одобренные подавляющим большинством населения этих стран. По итогам этих референдумов были приняты акты и декларации о независимости¹, положившие начало политико-правовому «оформлению» государственности южнокавказских республик и формированию их национальной и региональной идентичности.

Стоит отметить, что в данных референдумах не приняло участие абхазское и осетинское население Абхазии и Южной Осетии, а также армяне Нагорного Карабаха. Аналогичным образом референдум 17 марта 1991 года о сохранении СССР в форме новой федерации был бойкотирован властями Грузии, Армении и Азербайджана, но при этом проведен на территории Абхазии и Южной Осетии.

На мой взгляд, в актах и декларациях о независимости, принятых Грузией, Арменией и Азербайджаном в 1990-1991 годах, содержались важные положения, касающиеся их преемственности с демократическими принципами и традициями развития закавказских республик 1918-1921 гг., являвшиеся на тот момент независимыми государствами. Эти положения сыграли значительную роль в формировании национальной идентичности государств Южного Кавказа, а опыт государственного строительства был использован при составлении законодательства и формировании новых политических институтов. Вместе с тем данные положения, фиксирующие неразрывную связь с особенностями становления национальной государственности республик того периода, по сути, нивелировали советскую идентичность. С другой стороны, одновременная преемственность с независимыми республиками Закавказья 1918-1921 гг. и данными государствами в период их нахождения в составе советского государства не могла осуществиться в силу различий в общественно-политическом развитии данных государств, что делало их антагонистами и в правовом, и в историческом контекстах.

Институционализация национальной и региональной идентичности государств Южного Кавказа происходила на фоне усиливающихся межнациональных противоречий, впоследствии переросших в вооруженные конфликты. Стремление союзных республик обрести независимость сопровождалось аналогичными процессами в их автономных образованиях (Абхазская АССР, Нагорно-Карабахская АО, Юго-Осетинская АО). Постепенно протесты и требования о повышении государственного статуса автономных образований и предоставлении независимости становятся более масштабными, а ситуация в данных регионах менее контролируемой. Сложившееся положение способствовало появлению национальных движений, организационной основой которых выступили общественно-политические организации («Айдгылара» в Абхазии, «Адамон ныхас» в Южной Осетии, «Крунк» в Нагорном Карабахе). Параллельно происходящим процессам в Абхазии, Южной Осетии и Нагорном Карабахе были приняты законы, которые способствовали получению ими де-факто независимости. На мой взгляд, кардинальные изменения в правовом поле южнокавказских государств заложили основы формирования новой региональной идентичности.

Стоит отметить, что противостояние между союзными республиками и автономными образованиями происходило не только на законодательном поле (это противостояние впоследствии получило название «войны законов»), но и на идеологическом. По справедливому замечанию исследователя А. Цуциева, «этнополитические противоречия рубежа 1980-1990-х гг. формируют повышенный идеологический спрос на реконструкции “исконных границ”, на обоснование “исторических прав” на оспариваемые территории и/или групповые статусные позиции» [10, с. 109].

Таким образом, возникновение конфликтов и впоследствии обретение де-факто независимости непризнанными республиками способствовали складыванию новой региональной идентичности. Если Нагорный Карабах идентифицировал себя с Арменией и поддерживал идею воссоединения этнических армянских земель, то Абхазия и Южная Осетия тяготели к Российской Федерации. Выдвигались различные варианты объединения с Россией вплоть до вхождения автономных образований Грузии в состав данного государства. Между тем формирование политической идентичности Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха укреплялось по мере становления их государственных институтов. С этой точки зрения Абхазия и Нагорный Карабах обладают более развитой государственностью и являются более демократичными, нежели Южная Осетия.

¹ «Акт о восстановлении государственной независимости Грузии», 9 апреля 1991 г.; «Декларация о независимости Армении», 23 августа 1990 г.; «Декларация о восстановлении государственной независимости Азербайджанской Республики», 30 августа 1991 г.; Конституционный Акт АР «О государственной независимости Азербайджанской Республики», 18 октября 1991 г. и др.

Распад единого советского государства и обретение закавказскими республиками независимости поставили их перед вопросом становления новой государственности, построения демократических политических институтов. Общественность данных стран, а также их политические элиты, настроенные на либерально-демократические преобразования, не могли не беспокоить вопросы национального развития, формирования национальной и контуров новой региональной идентичности. Вместе с тем данные процессы происходили не только на фоне уже возникших этнополитических конфликтов, но и в условиях, когда было разрушено единое политико-правовое, социально-экономическое, культурное пространство страны, что значительно осложняло проведение реформ.

Стоит отметить, что институционализация государственности и формирование демократических институтов в странах Южного Кавказа осложнялись двумя обстоятельствами. Во-первых, это отсутствие демократических традиций государственности. До присоединения к Российской империи Грузия была монархией, а Азербайджан и Армения входили в состав Персии, для которой были чужды либеральные ценности западного типа. Во-вторых, это отсутствие традиций существования национальных государств как таковых [4, с. 174]. Несмотря на небольшой опыт демократического развития этих государств в период 1918-1921 гг., он не смог существенным образом отразиться на формировании политической культуры соответствующих народов. К тому же установление советской власти нивелировало демократические достижения.

На втором этапе формирования региональной идентичности Южного Кавказа происходит поддержание «замороженности конфликтов» (как со стороны региональных, так и внерегиональных государств), соблюдение соглашений об их прекращении, охране территориальной целостности существующих национальных государств. Если на первом этапе становления идентичности региона южнокавказские республики были заняты процессами национальной самоидентификации, то на втором этапе уже возникают так называемые ориентационные модели поведения [Там же, с. 175]. Они были направлены на формирование интеграционных процессов внутри региона и ориентацию на какую-нибудь внешнюю силу (например, Россию, США, Турцию или «Запад» в целом). При этом ориентация могла быть ложной либо претерпевать значительные изменения в зависимости от динамики внутривосточных процессов в этих странах. Вместе с тем, наличие этнополитических конфликтов в регионе поставило международное сообщество перед решением сложной дилеммы: каким из двух принципов международного права – территориальная целостность или право наций на самоопределение – руководствоваться в определении политико-правового статуса непризнанных государств.

Отметим, что если непризнанные государства видели легитимность своих действий в зафиксированном в международном праве принципе права наций на самоопределение, то в политике Грузии, Армении и Азербайджана возобладал принцип территориальной целостности и нерушимости границ. Последний был поддержан как региональными (Россия, Турция, Иран), так и внерегиональными (США, ЕС, Китай) акторами, которые опасались возобновления вооруженных конфликтов и неуправляемой цепной реакции распада многонациональных государств. Крупные государства мира готовы были вести диалог с полусвободными странами, нежели с нестабильными и плохо контролируруемыми режимами. Вместе с тем наличие непримиримых интересов и целей способствовало «замораживанию» конфликтов, которые не получили окончательного разрешения и по сей день. Принимаемые на международном, межгосударственном и страновом уровнях документы (резолуции, декларации, договоры, соглашения и т.п.), а также разрабатываемые посредниками планы, программы, концепции урегулирования конфликтов не столько способствовали их разрешению, сколько консервации сложившейся ситуации.

Анализ соотношения двух принципов международного права показывает, что стороны придерживаются противоположных позиций в урегулировании грузино-осетинского, грузино-абхазского и нагорно-карабахского конфликтов. Вместе с тем отечественные и зарубежные ученые полагают, что противоречия между принципами территориальной целостности и права наций на самоопределение, зафиксированных во многих международных документах, не существует. Они имеют разные статусы и разные области применения [9]. Если первый является во многом политическим принципом, то второй представляет также и норму международного права. К тому же принцип территориальной целостности действует в отношениях между государствами, а принцип права наций на самоопределение применим в отношениях между государством и включенной в его границы территориальной единицей [11]. Получается, что между этими принципами существует не столько противоречие, сколько необходимость их рассмотрения в несколько разных плоскостях национального развития.

Несмотря на все дискуссии в научной литературе по поводу того, какой из этих принципов является определяющим, необходимо, на мой взгляд, задаться следующим вопросом. В каком случае осуществление принципа права наций на самоопределение может быть оправдано с политической, правовой и моральной точек зрения? Для этого необходим ряд условий: целенаправленная политика дискриминации национальных меньшинств, стремление решить существующие противоречия силовым путем, насильственное выселение представителей того или иного этноса с территории их исконного проживания или физическое истребление (этнический геноцид). В большей или меньшей степени эти положения нашли отражение в политике президента Грузии М. Саакашвили, что подтолкнуло конфликтующие стороны к возобновлению военных действий в Южной Осетии в августе 2008 года. Соглашусь с мнением бывшего сопредседателя Минской группы ОБСЕ В. Казимировым, который верно заметил, что «сегодня право наций на самоопределение становится на Южном Кавказе главенствующим, и наличие или отсутствие прецедента может быть лишь дополнительным фактором. Основные факторы – период времени, регион, конкретные обстоятельства» [6, с. 182].

На третьем этапе формирования региональной идентичности произошла разморозка двух из трех существующих конфликтов (грузино-осетинского и грузино-абхазского) в результате военных действий Грузии

в Южной Осетии по наведению конституционного порядка в республике. Особенности развития региональной идентичности на данном этапе будут рассмотрены ниже.

Стоит отметить, что на формирование региональной идентичности Южного Кавказа существенное влияние оказывают международные организации (ООН, ОБСЕ, ЕС), а также отдельные государства мира (Россия, США, европейские страны и др.), непосредственно вовлеченные в политические процессы, происходящие в регионе. Идентичность Южного Кавказа в основном определяют три национальных государства, при этом роль непризнанных и частично признанных государств в последнее время становится более весомой. Две страны региона – Азербайджан и Армения – проводят многовекторную политику, в то время как Грузия – это прозападное государство, всеми силами стремящееся интегрироваться в евроатлантические структуры. Непризнанные республики Абхазия и Южная Осетия имеют достаточно выраженную пророссийскую ориентацию (особенно после признания их независимости), а Нагорный Карабах находится «преимущественно в орбите влияния западных стран, но и роль России для данной территории немаловажна» [2, с. 117]. Вместе с тем Грузия имеет хорошие отношения с Азербайджаном и Арменией, развивает с ними экономические связи, а между двумя последними странами существует неурегулированный межэтнический конфликт. Таким образом, политическая идентичность на Южном Кавказе формируется во взаимоотношениях с США и Европейским Союзом, с одной стороны, и Россией – с другой.

Турция и Иран осуществляют всестороннее сотрудничество с тремя национальными государствами и пытаются строить экономические взаимосвязи с двумя де-факто самостоятельными государствами (Абхазией и Нагорным Карабахом) без их юридического признания. Показателен в данном случае пример Армении, которая в условиях блокады со стороны Азербайджана и Турции и различий в политическом, социально-культурном и конфессиональном развитии выстраивает экономическое сотрудничество с Ираном, приносящее значительные результаты. Что касается Южной Осетии, то она не воспринимается региональными державами в качестве отдельного от России экономического и политического актора [Там же].

«Пятидневная война» Грузии в Южной Осетии в августе 2008 года в значительной степени изменила ситуацию в регионе. Именно здесь был создан первый прецедент пересмотра границ между республиками некогда единого союзного государства. На Кавказе появились первые частично признанные государства, независимость которых отрицает международное сообщество, но признает Россия, являющаяся участником клуба «ядерных держав» и постоянным членом Совета Безопасности ООН. Признание двух сепаратистских территорий оставляет тяжелые последствия для Грузии в плане формирования общенациональной идентичности. По мнению известного грузинского политолога Г. Нодиа, «августовская война с Россией поставила под удар саму перспективу грузинской государственности – популярными в дни войны стали сравнения не с 1992-93 гг., когда шли войны в Абхазии и Южной Осетии, а с 1921 г., когда Грузия в результате российской интервенции потеряла независимость» [8, с. 43].

Признав независимость Абхазии и Южной Осетии, Россия, по сути, выступила в роли страны, готовой к пересмотру межгосударственных границ и своих отношений с внерегиональными игроками (США, Европейский Союз) [5, с. 101]. Несмотря на поддержку сепаратистских территорий, в вопросе определения правового статуса Абхазии и Южной Осетии Россия придерживалась принципа территориальной целостности в отношении грузинского государства. Она заключила Дагомьские соглашения 1992 года и Московские соглашения 1994 года, а затем гарантировала их соблюдение. После событий в Южной Осетии во внешней политике России произошли изменения. Россия показала, что «готова в каких-то случаях ревизовать прошлую реальность, причем помешать этому международное сообщество не захочет или не сможет» [Там же, с. 102]. Одновременно Россия пыталась сохранить статус-кво там, где имела такую возможность. Например, это проявилось в подготовке и подписании Майндорфской декларации по урегулированию нагорно-карабахского конфликта. Она предусматривала сохранение старого формата переговоров и отказ от применения силы для разрешения существующих противоречий.

Несмотря на многочисленные заявления российской стороны, что признание независимости касается только двух территорий (Абхазии и Южной Осетии), возможное создание прецедента на постсоветском пространстве вызвало обеспокоенность его членов. В частности, это касается Азербайджана и Молдавии. Возможно, произошедшие события внесут некоторые коррективы в российско-азербайджанские и российско-молдавские отношения, особенно сферы, касающиеся обеспечения национальной и региональной безопасности.

После августовской войны произошли некоторые другие важные события. В зонах грузино-осетинского и грузино-абхазского конфликтов прекратили свою деятельность миссии ООН и ОБСЕ. Соответственно, все соглашения, заключенные под эгидой этих организаций в 1992-1994 гг., утратили свою силу, а Россия из статуса миротворца превратилась в военно-политического гаранта безопасности этих двух территорий. Грузино-абхазское и грузино-осетинское противоборства в результате известных событий оказались урегулированными (при этом международно-правовой статус Абхазии и Южной Осетии остается неопределенным), а нагорно-карабахский конфликт продолжает находиться в «замороженном» состоянии.

Другим не менее важным итогом августовской войны стало то, что решить подобного рода конфликты военным путем представляется невозможным. Этот вывод был сделан всеми государствами региона и другими странами постсоветского пространства. В частности, южноосетинские события значительно уменьшили желание азербайджанского руководства урегулировать карабахский конфликт силовым путем.

По мнению уже упомянутого мною исследователя А. Искандаряна, значительным результатом войны стал «новый формат Южного Кавказа как региона в рамках российско-южнокавказских взаимоотношений»

[Там же, с. 103]. Действительно, несмотря на все сложности российско-грузинских отношений, Россия рассматривала Южный Кавказ в формате «Азербайджан-Армения-Грузия» плюс «непризнанные Абхазия, Нагорный Карабах и Южная Осетия». На сегодняшний день Россия практически потеряла Грузию, она фактически исчезла из данного формата, а российско-грузинские отношения стали рассматриваться в другой плоскости, за пределами Южного Кавказа, скорее в рамках российско-западного противодействия, чем южнокавказской политики. Вместе с тем сложившаяся ситуация способствовала развитию армяно-турецкого взаимодействия. После разрыва политико-дипломатических отношений с Грузией, России необходимо стремиться укреплять свое влияние в регионе, в частности, в Армении, которая теперь оказалась «отделенной» от РФ грузинской территорией.

Интересным следствием войны стал тот факт, что Россия не смогла добиться поддержки своих действий ни от одного крупного государства мира и ни от одной из стран постсоветского пространства. Как известно, независимость Абхазии и Южной Осетии, помимо России, признали только три республики (Венесуэла, Науру, Никарагуа). При этом последовать данному шагу отказалась даже Белоруссия, не говоря уже о другом стратегическом союзнике России – Армении. Россия не смогла обеспечить признание новых государств Южного Кавказа и в рамках региональных организаций, таких, как ШОС, СНГ и ОДКБ. В данном случае, как мне кажется, проявилась проблема отсутствия у России партнеров, готовых жертвовать своими интересами ради интересов своего стратегического союзника. На мой взгляд, России необходимо изменить принципы взаимоотношений со странами, на поддержку которых она хотела бы рассчитывать.

Признание независимости двух автономных образований Грузии значительно активизировали деятельность этнических сепаратистов и исламских фундаменталистов на Северном Кавказе. Обретение независимости Абхазией и Южной Осетией способствовало росту национализма в отдельных республиках региона, потеряли свою стабильность Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия [1, с. 95-97]. На сегодняшний день у федеральных властей России отсутствует системная политика по отношению к данному региону, который в сознании российских граждан является воплощением хаоса, нестабильности и управляемой некомпетентности. Положение усугубляется сложной социальной и экономической ситуацией в ряде республик и применяемыми насильственными действиями, направленными против властей и своих сограждан (угрозы, теракты, политические убийства и т.д.). Значительные финансовые вливания в регион, а также периодические силовые операции по ликвидации незаконных вооруженных формирований пока не приносят ощутимых результатов. Сохраняется и немало оснований для роста радикального исламизма в регионе, особенно в условиях, когда российские законы не принимаются населением в качестве определяющих правил, а на смену им приходят традиции и исламское право.

Одним из аспектов анализа процесса институционализации региональной идентичности на Южном Кавказе является рассмотрение возможных сценариев ее развития. Российский ученый А. Г. Большаков полагает, что потенциально возможны четыре проекта трансформации политической идентичности Южного Кавказа в ближайшее десятилетие [2, с. 118]. Первый – «вытеснение» Запада; второй – «вытеснение» России; третий – компромисс через уступки и сотрудничество глобальных и региональных игроков; четвертый – присоединение Абхазии и Южной Осетии к Российской Федерации, геополитические противостояния НАТО, ОДКБ, ГУАМ, стоящих за ними ведущих мировых держав, трех национальных государств, Карабаха. Автор работы разделяет данную точку зрения, но некоторые положения рассматриваемых сценариев требуют уточнения.

На мой взгляд, «вытеснение» из региона Южного Кавказа России и Запада если и возможно, то только частично. На сегодняшний день на Южном Кавказе Россия имеет стратегического союзника в лице Армении, является сопредседателем Минской группы ОБСЕ по урегулированию нагорно-карабахского конфликта, развивает полноценное сотрудничество с Азербайджаном, при этом практически потеряла Грузию, но значительно укрепила свои позиции в Абхазии и Южной Осетии. По моему мнению, в среднесрочной перспективе (10-15 лет) потеря Россией завоеванных позиций представляется недопустимой и вряд ли возможной в силу ряда внутренних и внешних факторов развития страны. Аналогичным образом обстоят дела и с западными странами, которые имеют свои интересы и сферы влияния в регионе, которыми они не захотят поступиться.

Наиболее вероятным представляется четвертый вариант развития событий. Возможен также синтез третьего и четвертого сценариев, когда нахождение компромиссов и развитие сотрудничества будут меняться периодами конфронтации крупных мировых и региональных держав и международных организаций. Вместе с тем присоединение Абхазии и Южной Осетии к Российской Федерации в ближайшее десятилетие не представляется возможным. Это будет являться аннексией данных территорий, чреватой появлением серьезных негативных последствий для России на международной арене.

На мой взгляд, дальнейшее продвижение в формировании идентичности Южного Кавказа зависит от контента внешней среды региона, а внутренние факторы конструирования идентичности пока находятся на втором плане.

В результате проведенного в статье анализа представляется необходимым сделать следующие выводы.

В регионе Южного Кавказа можно выделить значительное количество факторов институционализации идентичности как внутри-, так и внешнеполитического характера. На сегодняшний день Южный Кавказ по количеству населяющих его народов является достаточно уникальным регионом, обладающим немалым этнокультурным разнообразием. Он отличается в политическом, социальном, экономическом, историко-культурном плане от других регионов постсоветского пространства. Вместе с тем после обретения независимости для Грузии, Армении и Азербайджана, как и для других республик бывшего СССР, остро встал

вопрос о необходимости формирования собственной государственности, демократических политических институтов, национальной и региональной идентичности. Каждый раз приход к власти нового главы государства все более отдалял эти республики от советского прошлого, и это нивелировало в сознании их граждан советскую идентичность, а становление новой политической идентичности осложнялось проблемами внутривосточного развития. В первой половине 1990-х годов формирование политических систем в Грузии и Азербайджане сопровождалось высоким уровнем военно-политической нестабильности, что чуть не поставило эти государства на грань распада. В этом плане трансформация политических институтов в Армении происходила в гораздо более благоприятных условиях.

Рассмотрение этапов становления идентичности Южного Кавказа в контексте анализа политических факторов ее институционализации позволило проанализировать процесс формирования политико-этнических конфликтов в регионе, внутренний и внешний контексты их протекания. Были выявлены причины возникновения грузино-осетинского, грузино-абхазского и нагорно-карабахского конфликтов, которыми, как показал анализ, стали неурегулированные этнотерриториальные противоречия, не получившие своего своевременного разрешения. Если Абхазия и Южная Осетия еще в период существования СССР первоначально стремились повысить свой государственно-правовой статус, соответственно, до союзной и автономной республики, то требования армян Нагорного Карабаха изначально сводились к отделению от Азербайджана и присоединению к Армении. Вместе с тем эти процессы протекали на фоне борьбы закавказских советских республик за предоставление им независимости, а после распада СССР в условиях формирования самостоятельной государственности. Отсутствие возможностей, политической воли, желания идти на компромиссы и уступки переводили существующие конфликты в «замороженное» состояние.

На сегодняшний день непризнанные государства - Абхазия, Южная Осетия и Нагорный Карабах - существуют уже около двух десятков лет. Они сформировали собственные органы государственной власти, политические и экономические институты, а Абхазия и Нагорный Карабах демонстрируют неплохие темпы в развитии демократии. С каждым днем независимого существования укрепляется их политическая идентичность. При анализе дальнейших перспектив развития этнополитических конфликтов на Южном Кавказе необходимо, на мой взгляд, задаваться вопросом не только о том, на каких условиях может произойти реинтеграция непризнанных государств, но и вопросом о том, возможно ли вхождение данных территорий в состав своих бывших метрополий.

Список литературы

1. Арутюнов С. Северный Кавказ: ситуация по состоянию на 2008 г. // Кавказ-2008: ежегодник Ин-та Кавказа. Ереван, 2010. С. 93–100.
2. Большаков А. Г. Формирование региональной идентичности Южного Кавказа в условиях диверсификации постсоветского пространства // Идентичность как предмет политического анализа: сб. ст. / отв. ред. И. С. Семенов, Л. А. Фадеева. М., 2011. С. 115–118.
3. Дамения О. Кавказская идентичность: миф или реальность? // Традиция разрешения конфликтов на Кавказе и методы институтов гражданского общества / авт.-сост. Ж. Крикова, Б. Кобахия, А. Недолян, Г. Тер-Габриелян. Цахкадзор, 2001. С. 106–111.
4. Искандарян А. Государственное строительство и поиск политической идентичности в новых странах Закавказья // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 2. С. 171–182.
5. Искандарян А. Эскизы нового статус-кво на Южном Кавказе // Кавказ-2008: ежегодник Ин-та Кавказа. Ереван, 2010. С. 101–105.
6. Казимиров В. Два хельсинских принципа и «атлас конфликтов» // Россия в глобальной политике. 2007. № 2. С. 180–186.
7. Кортунов С. В. Национальная идентичность: постижение смысла. М.: Аспект Пресс, 2009. 592 с.
8. Нодиа Г. Грузия в 2008 году: испытание на прочность // Кавказ-2008: ежегодник Ин-та Кавказа. Ереван, 2010. С. 43–67.
9. Торосян Т. С. Мнимое противоречие: территориальная целостность или право на самоопределение? // Россия в глобальной политике. 2007. № 4. С. 203–214.
10. Цуциев А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004 гг.). М.: Европа, 2006. 128 с.
11. Черняховский С. Территориальная целостность и право на самоопределение [Электронный ресурс]. URL: <http://www.novopol.ru/-territorialnaya-tselostnost-i-pravo-na-samooopredeleni-text51183.html> (дата обращения: 24.10.2012).

POLITICAL FACTORS OF SOUTH CAUCASUS IDENTITY INSTITUTIONALIZATION

Timur Zufarovich Mansurov, Ph. D. in Political Sciences

Department of Conflictology

Kazan' (Volga Region) Federal University

timur-man333@mail.ru

The author considers the political factors of South Caucasus identity institutionalization, analyzes the main stages, domestic and foreign policy actors of the formation and development of identity in the region, reveals and substantiates that the armed conflict in South Ossetia in August 2008 contributed to the change of powers balance and the format of interstate relations in the region, and comes to the conclusion that the further formation of South Caucasus identity directly depends on the content of the external region environment, and the internal factors of regional identity institutionalization are still in the background.

Key words and phrases: identity; political identity; institutionalization; region; regional identity; state; regional organization; South Caucasus; ethnic conflict.